

МИРОВОЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.16

УДК 314.07:314.5.063, ББК 65.011

© Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С.

Институциональный аспект семейной политики ФРГ: опыт для России в свете национальных проектов*

**Евгений Алексеевич
КАПОГУЗОВ**

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
Омск, Российская Федерация
e-mail: egenk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8083-5654; Researcher ID: O-5278-2017

**Роман Игоревич
ЧУПИН**

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: roman-chupin@ya.ru
ORCID: 0000-0002-8904-1380, Researcher ID: O-4534-2017

**Мария Сергеевна
ХАРЛАМОВА**

Омский научный центр Сибирского отделения РАН
Омск, Российская Федерация
e-mail: hms2020@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4144-5893, Researcher ID: P-8691-2017

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

Для цитирования: Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Институциональный аспект семейной политики ФРГ: опыт для России в свете национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 275–284. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.16

For citation: Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. The institutional aspect of German family policy: Lessons for Russia in the context of national projects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 275–284. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.16

Аннотация. Выход из демографической ловушки является приоритетом национальной политики в России. Для его реализации принят проект «Демография». Целью исследования выступает обзор текущих трендов европейской семейной политики на примере Германии и выявление возможностей по применению зарубежного опыта при совершенствовании институционального обеспечения семейной политики в РФ. В работе используются методы институционального и статистического анализа. В отличие от исследований других авторов для оценки эффективности и достаточности разрабатываемых дорогостоящих мер в России в статье был проведен институциональный анализ трендов европейской семейной политики на примере Германии, которая характеризуется схожей с Россией институциональной логикой семейной политики. Семейная политика в Германии основывается на увеличении государственных расходов на создание развитой системы социальной инфраструктуры. В обеих странах реализуется приоритет роста коэффициента рождаемости и развития социальной инфраструктуры, позволяющей женщинам не отказываться от карьеры, однако предполагается, что для России последствия этого окажутся более существенными. В качестве результата ускоренного строительства детских садов в крупнейших агломерациях ФРГ демонстрируется прирост рождаемости. Однако большая часть такого эффекта вызвана миграционной волной 2015 года, тогда как иммигранты нечувствительны к реализуемым мерам. Кроме того, это приводит к оттоку населения из других регионов. Значимость статьи заключается в том, что рассмотрение противоречий между различными траекториями семейной политики в ФРГ на протяжении 20 последних лет позволило выявить возможности использования зарубежного опыта при совершенствовании институционального обеспечения семейной политики в России. На базе проведенного анализа и опыта ФРГ предложены рекомендации в сфере социально-экономической политики, которые могут специфицировать параметры национального проекта «Демография» в части учета региональной демографической ситуации.

Ключевые слова: семейная политика, коэффициенты рождаемости, институциональное регулирование рождаемости, дискретные институциональные альтернативы, национальный проект «Демография».

Введение

Одной из ключевых стратегических целей национального развития России, озвученной Президентом РФ во время послания Федеральному Собранию в 2020 году, является выход из «демографической ловушки»¹. Для ее реализации в РФ принят национальный проект «Демография», призванный обеспечить «сбережение населения» и придать долгосрочный импульс экономическому развитию за счет инвестиций в человеческий капитал. Однако, по мнению В.К. Фальцмана: «Национальный проект «Демография» предусматривает дорогостоящий комплекс мер по стимулированию роста рождаемости и продолжительности активной жизни населения в период до 2024 г. Но одних этих мер для сдерживания депопуляции недостаточно» [1, с. 7].

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 22.04.2020).

Так, уже в октябре 2020 года Правительство Российской Федерации обновило прогноз по численности населения. Согласно ему, к 2024 году ожидается сокращение численности россиян на 1,2 млн человек². Такое снижение, по мнению российских ученых, имеет как чисто демографическое [2], так и институциональное основание [3]. Последнее было определено в январе 2021 года В.В. Путиным на Всемирном экономическом форуме в Давосе как «ценностный кризис, который оборачивается негативными демографическими последствиями, из-за которых человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материи»³.

² Правительство ухудшило прогноз по убыли населения России // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/731734> (дата обращения 16.10.2020).

³ Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе. Полный текст // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения 27.01.2021).

Действительно, на сегодняшний день в мире набирают популярность нетрадиционные семейные отношения, происходит постепенная деинституционализация брака [4]. В широком смысле деинституционализация означает расслоение института [5], при котором фиксируется размывание норм и правил с точки зрения их влияния на различные слои общества. Деинституционализация брака в европейских странах привела к тому, что «старые» формы семейных отношений утратили доминирующие позиции и бескомпромиссные директивы.

Российская Федерация в этом плане остается «заповедником» старых семейных ценностей [6], но продолжает испытывать угрозы депопуляции⁴. Особенно остро проблемы института семьи в России обнажила пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Как отмечает О.Г. Исупова, в свете резкого изменения «рутины повседневности» российские семьи могут столкнуться со многими проблемами, что способно обострить и так нестабильную демографическую ситуацию [7].

На фоне привычных и новых вызовов воспроизводству населения России власти осуществляют конверсию института брака в конституционных поправках, принимают беспрецедентные в современной истории меры поддержки семей и рождаемости [8]. Вместе с тем, в ряде европейских стран, имеющих схожие с Россией проблемы демографического характера, многие из предложенных Президентом и Правительством РФ мер поддержки брачности и рождаемости уже реализованы, причем привели к противоречивым результатам. Например, в ФРГ, где забота о семье заложена в статью 6.1 Конституции, с начала XXI века был реализован практически полный перечень предлагаемых российским правительством мер семейной политики [9], однако уже в 2019 году наметилось существенное снижение темпов уровня рождаемости (прирост составил лишь 0,6%). Также в 2020 году отмечается сокращение численности трудоспособного населения на 0,9%, в частности, в Тюрингии, Саксонии,

Саксонии-Анхальт, Бранденбурге, Мекленбурге – Передней Померании каждый пятый работник старше 55 лет⁵.

Целью нашего исследования выступает обзор текущих трендов европейской семейной политики на примере Германии и выявление возможностей использовать зарубежный опыт при совершенствовании институционального обеспечения семейной политики в России. Исходя из данной цели задачи исследования состоят в: 1) рассмотрении специфики германского варианта реализации семейной политики в контексте экономической теории домохозяйства с позиций институционального усиления инфраструктурной и финансовой поддержки семей с детьми; 2) рассмотрении результатов демографического перехода в семейной политике Германии; 3) раскрытии противоречий и возможных уроков немецкого опыта для российской семейной политики.

Методологические основы институционального анализа семейной политики

Фундаментальные основы семейной политики базируются на двух концепциях, существующих в рамках современной экономической теории домохозяйства (the new economics of the family): традиционном (беккериянском [10]) и транзакционном [11] подходах.

Традиционный подход не заглядывает внутрь «черного ящика» внутрисемейных отношений, допуская абсолютную рациональность демографического поведения. В данном контексте семейная политика не должна ограничивать свободы брачного рынка, а также права домохозяйств на бездетность. При транзакционном подходе, в свою очередь, семья и брак становятся институционализированной формой «отношенческого» контракта с характерными признаками: регулярным взаимодействием партнеров в браке и наличием семейного капитала (marital-specific capital), что обеспечивает снижение рисков развода. Поэтому транзакционный подход обладает большей объяснительной силой, позволяет рас-

⁴ Демографический кризис – препятствие модернизации России // Голос Америки. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-demographics-2010-08-13-100662344/187369.html> (дата обращения 22.04.2020).

⁵ So gefährlich ist der demografische Wandel für Deutschland // WELT. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/video205270927/Sinkende-Geburtenrate-So-gefaehrlich-ist-der-demografische-Wandel-fuer-Deutschland.html> (access 20.01.2020).

смотреть процессы трансформации семейных отношений [12] и возникновения, помимо традиционных брачных отношений, бракоподобных союзов (сожительства или «гражданских браков») [13].

Многие из данных форм находят свое место в институциональной среде европейских стран. Таким образом, «ценностный кризис» в новейшей истории связан с появлением новых дискретных институциональных альтернатив [14] семейной политики. Если в России и ряде государств Восточной Европы не возникает установленных законодательством брачных прав и обязанностей, то во Франции и Германии подобные союзы получили правовой статус. В частности, в Германии с 2005 года действует норма Социального Кодекса (*Zweite Buch Sozialgesetzbuch*), согласно которой члены бракоподобных союзов, образующие «сообщества потребления» (*Bedarfsgemeinschaft*), могут заключать партнерские соглашения об использовании имущества. В свете этого основная альтернатива семейной политики связана с «дефамилизацией» [15].

Одним из ключевых признаков дефамилизации стало принятие в 2008 году специального закона о демографической поддержке — *Kinderförderungsgesetz 2008* [16; 17], ставящего своей целью открыть женщинам доступ на рынок труда посредством развития различных организационных форм воспитания детей и ухода за ними (обозначаемых как «*Kita*»). Речь идет в первую очередь об инвестициях в строительство детских садов (*Kindergarten*) и развитие прочих институциональных форм, реализующих функции по присмотру (*Aufpassung*) и уходу (*Betreuung*) [18] за детьми. Так, согласно данным немецкого статистического ведомства, в том или ином виде присмотр в *Kita* получают 93% детей в возрасте от 3 до 5 лет, а число таких структур составляет 56700⁶.

Согласно данным Федерального министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи Германии, в период с 2007 по 2014 год были профинансированы расходы на строительство и содержание инфраструктуры

ухода за детьми в объеме около 5,4 млрд евро [19], что привело к созданию 780 тысяч мест в детских садах [20, с. 92].

Несмотря на ряд усилий в рамках расширения роли «отцовства» в воспитании детей, а также наличие законодательных и институциональных стимулов к соучастию в воспитании детей, в Германии так и не создано достаточно условий, для того чтобы мужчины могли совмещать отцовство и карьеру. Согласно исследованию С. Зерле и Й. Крок, 68% молодых отцов по-прежнему не могут воспользоваться отпуском по уходу за ребенком из-за трудностей с сокращением количества рабочих часов, хотя готовность не только нести финансовую ответственность за благополучие семьи, но и уделять больше внимания общению с детьми оценивается достаточно высоко [21].

С точки зрения «евроскептиков», неолиберально-феминистский концепт «образованной и состоявшейся в карьере женщины с большой трудовой занятостью», противостоящий «образу женщины как матери и хранительницы домашнего очага», является негативным для качественной семейной политики: он приводит к тому, что молодые девушки начинают смотреть на детей как на «балласт», препятствующий карьерному росту. Это объясняется, в частности, реакцией «евроскептиков» на трансформацию семейной политики ФРГ: от консервативной модели к более ориентированной на устойчивость и инклюзивность (в «скандинавском стиле»), которую характеризуют как «эгалитарную и гендерно-чувствительную».

В результате «ценностного кризиса» возраст матери при рождении первого ребенка постоянно повышается; каждая пятая женщина отказывается иметь детей; число маленьких детей, воспитываемых при минимальном участии матери, постоянно растет; увеличивается число матерей-одиночек; многодетные семьи оказываются социально незащищенными, родители новорожденных детей вынуждены брать «дополнительную нагрузку, чтобы прокормить семью» [22, с. 54].

Несмотря на признаки «ценностного кризиса» в Германии [23], семейная политика, по мнению немецких ученых, может рассматриваться как реальные практики поддержки традиционной семьи [24]. Так, структурные альтернативы семейной политики в Германии могут

⁶ *Kindertagesbetreuung* // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Soziales/Kindertagesbetreuung/_inhalt.html (access 13.04.2020).

быть связаны с «рефамилизацией», когда женщина реализует традиционную приоритетную семейную функцию матери, ассоциируемую с принципом «трех К» (Kinder, Küche, Kirche — дети, кухня, церковь), получая за счет мер социальной политики возможность заниматься домохозяйством в рыночной среде и обеспечивать детям эффективную социализацию. Также следует отметить, что акцент на «детопроизводстве» противоречит ценностно-культурным установкам и практикам развитых стран [25]. Это ставит под сомнение возможность реализовать цель повышения суммарных коэффициентов рождаемости, создавая возможности лишь их поддержания в отдельных странах, в частности Франции, Швеции, Финляндии и других [26, с. 119].

Результаты анализа демографического поворота в семейной политике ФРГ

Согласно подходу Эспинг-Андерсена, вариации семейной политики, как составляющей вариаций государств благосостояния, делятся на три типа: либеральный, консервативный и социал-демократический (скандинавский) [27]. М. Буйярд отмечал: «Семейная политика для государств благосостояния будет играть в ближайшее десятилетие ключевую роль, так как такие ее инструменты, как детские пособия (Kindergeld), пособия для родителей (Elterngeld), инфраструктурные меры (Kinderbetreuung) поддерживают одновременно разные цели, а именно борьбу с бедностью, образование, справедливость, участие на рынке труда и рост рождаемости» [25].

Дискуссия насчет комплементарности целей семейной политики в ряде европейских стран свидетельствует о противоречивости результатов. Часть авторов придерживается скептической позиции [28], другие отмечают позитивную взаимосвязь между семейной политикой и деторождением [29]; ряд авторов [24; 30] свидетельствуют о неоднозначности подобных взаимосвязей. На наш взгляд, помимо факторов «ценностного кризиса», воздействующих на падающие коэффициенты рождаемости, в западных странах можно отметить возникшие в последнее десятилетие специфические факторы, вызывающие дополнительные сложности в реализации семейной политики, в частности рефамилизацию, политический и миграционный факторы.

Рефамилизация объясняется в первую очередь отрицательной динамикой показателей суммарных коэффициентов рождаемости (СКР) за последние 50 лет. Взаимосвязь между семейной политикой и СКР позволила говорить о «демографическом повороте», в рамках которого наибольший прирост рождаемости характерен именно для крупных городов. Данный вывод диссонирует с традиционными представлениями о высокой рождаемости в сельской местности по отношению к городским агломерациям. Наиболее высокий ее уровень демонстрируют Франкфурт-на-Майне, Мюнхен и Берлин, где значения СКР выше среднего по стране (составляющего 22,8 ребенка на 1000 женщин⁷). Показатели рождаемости восточно-германского Лейпцига настолько высоки, что позволяют говорить о «новом стиле» городской жизни, где дети стали также естественны для городской идентичности⁸.

Консервативная семейная политика правых политических сил связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, речь идет о нарастающей исламской иммиграции в Европу. Количество мусульман в период с 2011 до конца 2016 года возросло на 1,2 млн чел. и составило от 4,4 до 4,7 млн чел., или приблизительно от 5,4 до 5,7% населения Германии⁹. По оценкам демографов, которые приводятся в документах политической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), к 2060 году население страны сократится с 81 до 65–70 млн чел. Во-вторых, беспокойство связано с пониманием, что коренное население континента в настоящий момент едва ли может составить конкуренцию мусульманскому сообществу по уровню рождаемости даже на собственной территории. Так, в современной Европе (ЕС, Норвегия, Швейцария) доля мусульман составляет около 4,9% населения.

⁷ Hohe Geburtenrate: Warum unsere Großstädte einen Babyboom erleben, in: Die Welt vom 2.5.2016 // WELT. URL: www.welt.de/vermischtes/article154937473/Warum-unsere-Grossstaedte-einen-Babyboom-erleben.html (access 21.04.2020).

⁸ New Berlin' or Not, Leipzig Has New Life, in: New York Times published 2.9.2014 // The New York Times. URL: www.nytimes.com/2014/07/travel/new-berlin-or-not-leipzig-has-new-life.html (access 21.04.2020).

⁹ Zahl der Muslime in Deutschland // Deutschlandfunk. URL: https://www.deutschlandfunk.de/religionsstatistik-zahl-der-muslime-in-deutschland.886.de.html?dram:article_id=408677 (access 12.04.2020).

К 2050 году она может увеличиться до 11%, а в Германии число мусульман может достигнуть 16–18 млн чел. и привести к существованию «параллельного» мусульманского общества [31, с. 113].

Такой рост доли мусульманского населения объясняется двумя обстоятельствами: а) относительной молодостью среднего возраста мусульман (31 год по сравнению с 47 годами для немусульманского населения); б) разностью в суммарных коэффициентах рождаемости между «традиционными» немецкими и мусульманскими семьями: в среднем соотношение коэффициентов составляет 1,4 к 1,9 в пользу жительниц Германии мусульманского происхождения¹⁰.

Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в Германии представлена на *рисунке*.

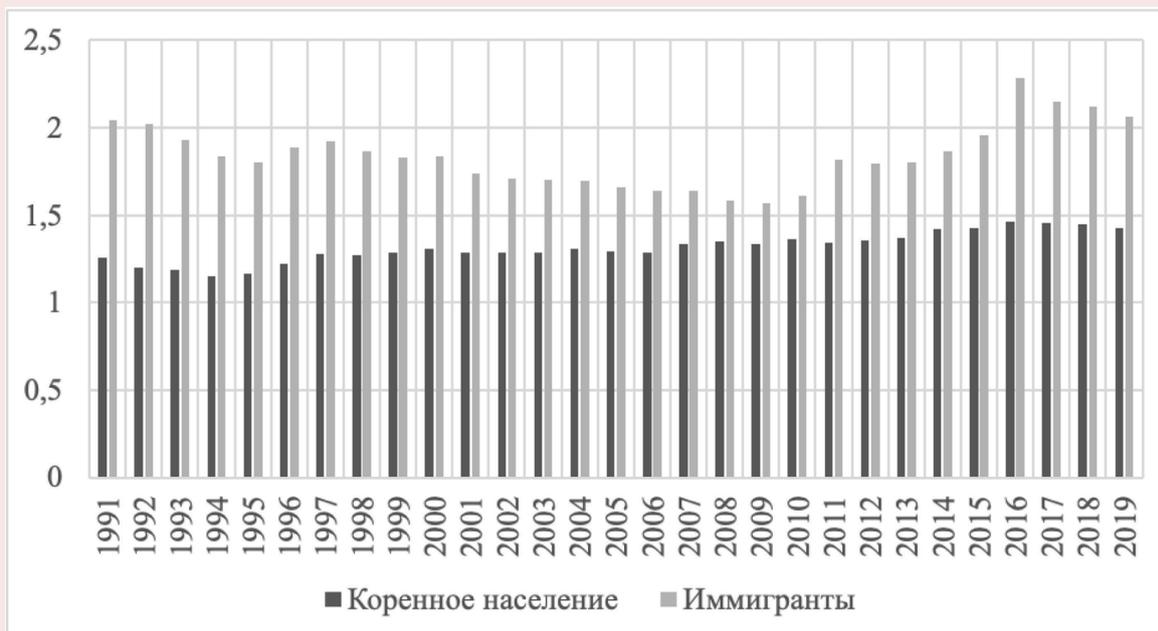
Такая ситуация характерна и для многих других западноевропейских стран. Так, например, в Великобритании разрыв соотношения в коэффициентах рождаемости более заметен:

на среднестатистическую мусульманку в фертильном возрасте приходится 2,9 ребенка, а на британку 1,8.

Оценочные различия в коэффициентах рождаемости между условно исламской и традиционно европейской частью населения Германии способствуют обострению идеологических противоречий «евроскептиков» с политикой мультикультуризма, получившей широкое распространение среди неолиберальной части немецкой общественно-политической элиты.

Следует отметить, что меры закона 2008 года не проявились полностью также по причине финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., который повлиял в первую очередь на молодежную безработицу и, тем самым, на жизненные планы части домохозяйств. В целом, согласно М. Кляйну и его соавторам, однозначно констатировать «причинную взаимосвязь между поворотом в семейной поли-

Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в Германии для коренного населения и иммигрантов в 1991–2019 гг., рождений на одну женщину фертильного возраста

Составлено по: данные Federal Statistical Office, Wiesbaden 2020.

¹⁰ Anteil der Muslime in Deutschland steigt auch ohne Migration // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/deutschland-anteil-der-muslime-steigt-laut-pew-studie-auch-ohne-migration-a-1181018.html> (access 12.04.2020).

тике и демографическим поворотом» пока еще рано. Более того, коэффициенты рождаемости в Германии по-прежнему ниже, чем в других европейских странах, среди которых выделяется Великобритания, где число рожденных на тысячу жителей колебалось с 2000 по 2014 год в диапазоне от 11,5 до 13 (в Германии в аналогичный период значение находилось в диапазоне от 8 до 9 новорожденных на тысячу жителей) [17, с. 689].

Можно ли извлечь уроки для России?

Таким образом, как было показано в статье, существующие механизмы семейной политики Германии слабо коррелируют с механизмами институционального усиления традиционной семьи и во многом определяются экзогенными факторами. Власти Германии декларируют поддержку традиционных семейных ценностей, но одновременно с этим реализуют затратную гендерно-чувствительную модель семейной политики, направленную на создание благоприятных условий в отношении бракоподобных союзов. При этом поддержка традиционных семей, демонстрирующих высокий уровень рождаемости, отошла на второй план. В свете сказанного увеличение государственных расходов на создание развитой системы социальной инфраструктуры Кита не приводит к демографическому росту и носит политический характер.

Фактическими драйверами естественного прироста населения Германии на сегодняшний день являются миграционные процессы и высокий уровень рождаемости среди исламского населения. Однако ориентация на общий прирост суммарных коэффициентов рождаемости приводит к выводу о «демографическом переходе», характеристикой которого выступает относительный рост рождаемости в городских агломерациях по отношению к сельской местности. Это противоречит научно установленным закономерностям, обуславливая то, что германские власти упускают из виду реальную демографическую ситуацию.

Россия повторяет немецкую ошибку применительно к отсутствию учета региональной специфики и ориентации на повышение количественных показателей рождаемости. Предусмотренные в национальном проекте «Демография» целевые индикаторы предполагают прирост суммарных коэффициентов рожда-

емости. Однако в документах не учтены институциональные особенности регулирования рождаемости в субъектах РФ, а также межрегиональные миграционные процессы. Вместе с тем, как показывает проведенный авторами в другой статье анализ, в ответ на «беккериянскую» семью, реагирующую на экономические стимулы демографической политики, государству с пронаталистских позиций выгодно делать ставку на увеличение доходов и снижение бедности по всем типам домохозяйств; в случае преобладания традиционных семей – акцентировать внимание на ценностях при рождении детей [32].

Создание предусмотренной национальным проектом социальной инфраструктуры в регионах РФ не сможет ликвидировать различия в социально-экономических условиях рождения и воспитания детей, что проявляется, в частности, в существенных различиях мер поддержки семей с детьми в российских регионах [33]. Так, создание детских садов и их содержание в Российской Федерации относится к вопросам местного значения, что предполагает неравенство в возможностях сельских территорий и городских агломераций. Данное основание выступает важным фактором усиления внутримиграционных процессов. В результате возникают схожие с Германией демографические риски депопуляции отдельно взятых территорий, а также роста рождаемости в крупных агломерациях. В свою очередь рост городских агломераций приводит к усложнению брачного рынка и расслоению института брака под влиянием пересечений множества культурно-ценностных норм. В таких условиях распространяются современные формы семейных отношений, предлагающие более простые и быстрые способы создания и построения семьи, отличающейся от традиционной. Следовательно, российский «заповедник» традиционных семейных ценностей рискует получить статус провинциального по германскому сценарию.

Подводя итоги, отметим: на наш взгляд, с институциональной точки зрения, для повышения результативности семейной политики, как в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности, так и роста рождаемости, необходима «тонкая настройка» региональных программ демографического раз-

вития, поскольку в настоящий момент региональная политика фактически отсутствует [32]. При этом политика развития не должна сводиться исключительно к мерам стимулирования рождаемости (в том числе без учета фактора брачности), неоднозначность чего подчеркивается в современных исследованиях [34], требуется более широкий комплексный взгляд на демографические процессы, заключающийся в большей адресности поддержки семей с

детьми с точки зрения развития человеческого капитала в семейных домохозяйствах [35]. В связи с этим перспективным видится научное обеспечение семейной политики с позиции доказательного подхода, позволяющего выявить как недостатки существующей политики, так и обосновать потенциальные управленческие решения с помощью использования таких инструментов, как «большие данные» и машинное обучение.

Литература

1. Фальцман В.К. Россия: факторы роста в контексте мировой экономики // Современная Европа. 2020. № 1. С. 5–13.
2. Рыбаковский О.Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. 2020. № 1 (23). С. 53–66.
3. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Российская конституционная конверсия на фоне деинституционализации брака в США // Journal of Institutional Studies. 2020. № 2 (12). С. 86–99.
4. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Институциональные арены брачных игр // Journal of Institutional Studies. 2019. № 4 (11). С. 26–39.
5. Cherlin A.J. The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*, 2004, no. 4 (66), pp. 848–861.
6. Миронова А.А., Прокофьева Л.М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. 2018. № 2 (5). С. 103–121.
7. Isupova O.H. New problems of Russian families in the context of the COVID-19 pandemic. *Population and Economics*, 2020, no. 2 (4), pp. 81–83.
8. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Экономические механизмы семейной политики России в условиях пандемии COVID-19 // Journal of Economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. № 12 (3). С. 26–43. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.3.026-043
9. Демкина Е.В. Программы помощи семье и детям в Германии // Science of Europe. 2019. № 35. С. 72–75.
10. Becker G.S. *A Treatise on the Family*. London: Harvard University Press, 1993. 304 p.
11. Pollak R.A. A transactional cost approach to families and households. *Journal of Economic Literature*, 1985, no. 2 (23), pp. 581–605.
12. Cherlin A.J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis. *Journal of Marriage and Family*, 2020, no. 1 (82), pp. 62–80.
13. Bumpass L.L., Raley R.K. Redefining single-parent families: Cohabitation and changing family reality. *Demography*, 1995, no. 1 (32), pp. 97–109.
14. Шаститко А.Е. Выбор дискретных институциональных альтернатив: что с чем сравниваем // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 134–145.
15. Носкова А.В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов и практик // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 56–67.
16. Del Boca D., Flinn C., Wiswall M. Household choices and child development. *The Review of Economic Studies*, 2014, no. 1 (81), pp. 137–185.
17. Klein M., Weirowski T., Künkele R. Geburtenwende in Deutschland – was ist dran und was sind die Ursachen? *Wirtschaftsdienst*, 2016, vol. 96, pp. 682–689.
18. Huesken K. *Kita vor Ort: Betreuungsatlas auf Ebene der Jugendamtsbezirke 2010*. Munich: Deutsches Jugendinstitut eV Abteilung Kinder und Kindertagesbetreuung, 2011. 29 p.

19. *BMFSFJ Erster bis Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes, Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend*. Berlin: 2013. 49 p.
20. Сазонова П.В. В поисках баланса: трансформация гендерных паттернов как отклик на изменение государственной семейной политики на примере Германии // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 88–99.
21. Zerle C., Krok I. Fathers put to the test. Family experiment. In: *Deutsches Jugendinstitut Bulletin*. München, 2010. 24 p.
22. Грибовский В.С. Семейная политика евроскептиков Германии, Австрии и Швейцарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3 (9). С. 54–58.
23. Носкова А.В. Выбор как новый принцип семейной политики в условиях плюрализации семейных практик // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. № 13. С. 307–312.
24. Kaufmann F-X. *Schrumpfende Gesellschaft. Vom Bevölkerungsrückgang und seinen Folgen*. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 2005. 270 p.
25. Bujard M. *Familienpolitik und Geburtenrate: Ein internationaler Vergleich, Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung*. Wiesbaden, 2011. 46 p.
26. Носкова А.В. Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // Социальная политика и социология. 2016. № 5 (118). С. 117–126.
27. Esping-Andersen G. *Why We Need a New Welfare State*. Oxford University Press, 2002. 244 p.
28. Höhn Ch., Ette A., Ruckdeschel K. *Kinderwünsche in Deutschland. Konsequenzen für eine nachhaltige Familienpolitik*. Stuttgart: Robert Bosch Stiftung & BIB, 2006. 86 p.
29. Rürup B., Schmidt R. *Nachhaltige Familienpolitik im Interesse einer aktiven Bevölkerungspolitik*. Berlin: BMFSFJ, 2003. 66 p.
30. Gauthier A.H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: A review of the literature. *Population Research and Policy Review*, 2007, no. 3 (26), pp. 323–346.
31. Андреева Л.А. Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство // Современная Европа. 2019. № 5. С. 110–121.
32. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности // Вопросы управления. 2021. № 4. С. 108–122.
33. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Нарративы семейной политики в России: фокус на регионы // *Journal of Economic Regulation*. 2020. Т. 11. № 3. С. 6–20.
34. Латов Ю.В. Рост человеческого капитала contra рост рождаемости // *Journal of Institutional Studies*. 2021. Т. 13 (2). С. 82–99.
35. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода // *Terra Economicus*. 2021. № 19 (3). С. 20–36.

Сведения об авторах

Евгений Алексеевич Капогузов — доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; e-mail: egenk@mail.ru)

Роман Игоревич Чупин — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение РАН (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: roman-chupin@ya.ru)

Мария Сергеевна Харламова — ведущий инженер, Омский научный центр, Сибирское отделение РАН (644024, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Карла Маркса, д. 15; e-mail: hms2020@mail.ru)

Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S.

The Institutional Aspect of German Family Policy: Lessons for Russia in the Context of National Projects

Abstract. Breaking out of a demographic trap is a priority of national policy in Russia. To achieve this goal, the national project “Demography” was adopted. The purpose of our study is to review current trends in European family policy in the case of Germany and to identify opportunities for applying foreign experience in improving the provision of institutional support to family policy in the Russian Federation. In our work, we use methods of institutional and statistical analysis. Unlike the studies of other authors, our own assessment of the effectiveness and sufficiency of expensive measures being developed in Russia is based on an institutional analysis that we conduct so as to reveal trends in European family policy on the example of Germany, which is characterized by an institutional logic of family policy similar to Russia. Family policy in Germany is based on increasing public spending on the creation of a developed system of social infrastructure. Both countries focus on increasing the birth rate and the development of social infrastructure that allows women not to abandon their career; but it is assumed that for Russia, the relevant implications will be more significant. As a result of accelerated construction of kindergartens in major agglomerations of Germany, an increase in the birth rate is demonstrated. However, this effect is mostly caused by the migration wave of 2015, while immigrants are insensitive to the measures being implemented. In addition, this leads to an outflow of population from other regions. The significance of the article lies in the fact that the consideration of the contradictions between various courses of family policy in Germany over the past 20 years has revealed the possibilities of using foreign experience in improving the institutional support of family policy in Russia. Based on the analysis we carried out, and taking into consideration the experience of Germany, we propose recommendations in the field of socio-economic policy that can specify the parameters of the national project “Demography” in terms of taking into account regional demographic situation.

Key words: family policy, birth rates, institutional birth control, discrete institutional alternatives, national project “Demography”.

Information about the Authors

Evgeny A. Kapoguzov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Dostoevsky Omsk State University (55A, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: egenk@mail.ru)

Roman I. Chupin – Candidate of Sciences (Sociology), Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: roman-chupin@ya.ru)

Maria S. Kharlamova – Leading Engineer, Omsk Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Karl Marx Avenue, Omsk, 644024, Russian Federation; e-mail: hms2020@mail.ru)

Статья поступила 30.06.2021.